

УДК 821.512.145

ДИСКУРСНЫЙ АНАЛИЗ РАССКАЗА А.ЕНИКИ «ТУГАН ТУФРАК» («РОДНАЯ ЗЕМЛЯ»)

© Г.Р.Гайнуллина

Статья написана с целью прочтения рассказа А.Еники «Туган туфрак» («Родная земля», 1959) в аспекте дискурсного анализа.

Ключевые слова: дискурс, рассказ, А.Еники.

На сегодняшний день в татарском литературоведении есть огромное количество аналитического рассмотрения, литературоведческого анализа художественных текстов классика татарской литературы Амирхана Еники (1909 – 2000). Нашей целью является прочтение рассказа А.Еники «Туган туфрак» («Родная земля», 1959) в аспекте дискурсного анализа текста, т.е. рассмотрение «в качестве единого высказывания или дискурса, – коммуникативного события между креативным (производящим) и рецептивным (воспринимающим) сознаниями» [1: 273]. «В качестве объекта дискурсного анализа текст предстает как конструктивная взаимообусловленность трех явленных в нем компетенций: референтной, креативной и рецептивной, различающихся отношениями данного дискурса соответственно к действительности, языку и сознанию» [1: 275].

Композиция рассказа «Туган туфрак» представляет собой последовательное хроникерское повествование – «относительно объективное, свидетельское описание событий их непосредственным участником или наблюдателем со своим кругозором» [1: 50], дополненное диалогами и медитациями.

Рассказ «Туган туфрак» является синтезом риторических модальностей и коммуникативных стратегий. Вполне убедительно прилагается циклическая модель событийной цепи (поиск – обретение) к анализируемому сюжету. Это – рассказ о «смысле человеческой жизни» [2: 229]. Автор «отображает национальную проблематику в аспекте общечеловеческих ценностей» [3: 16]. В произведении речь идет о девушке, которая родилась и выросла в городе. Клара хорошо воспитана, получает высшее образование. Дед Клары, поневоле доживающий свой век в городе, пытается приобщить внучку к национальным истокам, традициям, которые сохранились на родной земле. Главная героиня же уверена в том, что жизнь в сельской местности приводит к духовной деградации.

В рассказах А.Еники преобладает двуголосое повествование: абзац начинается речью повествователя и завершается медитацией героя. Рассмотрим повествовательный акт рассказа как событийную цепь эпизодов. А.Еники воспроизводит внутреннюю речь героини «для изображения духовного становления, формирования личности» [4: 11]. Повествование начинается с воспоминания Клары завещания деда, которое в тексте повторяется еще трижды.

Воспоминания Клары воспроизводит повествователь: «*Әллә кайдагы ул «туган туфрак» аңа билгесез, ят иде, шуңа күрә бабасының сүзләре аңарда бернинди кызыксыну да, теләк тә уятмый иде*» [5: 146] (Поскольку так называемая «родная земля» была ей чужой и незнакомой, слова деда в ней не пробуждали никаких чувств). В татарском языке «свой» означает «родной, родственной, близкий». В «своем» гармонически соединяются индивидуальное и общее. Слова «ят» и «чит» означают «чуждый», «посторонний», «иностранный», «зарубежный», «незнакомый», «кинородный» [6: 130]. Для главной героини деревня, о которой говорил ее родной, любимый дед, – чужое, незнакомое, совершенно неуютное пространство: «*Боже мой, – диде ул эченнән генә, – хәзерге авылның коты юк, ә иске авыл нинди булгандыр инде ул?*» [5: 146] (Боже мой, – сказала она про себя, – если современная деревня такая темная, какой же она была раньше?). Но по рассказам деда, труженика по природе, их род никогда бедствовал («*Клара исәбенчә, середняк булырга тиеш*» [5: 147]) (Клара полагала, что ее дед скорее был середняком).

Стремясь разобраться в причинах негативного отношения городских людей к сельским жителям, автор передает мысли Клары о том, что это отношение к деревенской жизни у нее образовалось по школьным учебникам, т.е. оно было навязано: «*Аның укып белүе буенча, иске авылның бер яме дә, бер кызыгы да булмаган. Иске авылда бары хәерчелек, караңгылык, вәхишлек кенә булган*» [5: 147] (Она читала, что в

старину село не привлекало ничем. Лицо той старой деревни – бедность, грязь, злость). Поэтому, живя в городе, Клара с пониманием относилась к отцу, который никогда не вспоминал родную деревню. Но после смерти деда Клара про себя проговаривает те же слова, которые не раз повторял дед: «...гомер иткэн эфир, безнең «туган туфрагыбыз» [5: 148] (земля, где проживал род, наша «родная земля»). Восприняв эти слова как завещание, Клара решает съездить в деревню, на родину предков.

Художественное пространство организовано вертикальной оппозицией верха и низа. Рахмай встречает племянницу на тарантасе, что означает приближение к земле. «Прежде чем подняться ввысь, нужно приблизиться к земле» [2: 229].

Здесь уместно рассмотреть коммуникативное поведение героини с точки зрения креативной компетенции: «Пользуясь знаками всех видов, организатор коммуникативного события тем не менее неизбежно обращается к языку в целом как текстопроизводящему механизму определенного типа, чем формируется та или иная «форма авторства» <...> или, иначе, риторическая фигура авторства» [1: 282]. Рассказ относится к аллюзивному типу дискурсии, аллюзивный символ «родная земля» не поддается однозначной дешифровке. Мы разделяем мнения литературоведов, что символ родная земля – «историческая память о предках» [2: 228], «мир духовной красоты и чистоты» [7: 111], но, по нашему мнению, ни одно из этих значений не является исчерпывающим. Клара по вине родителей была обречена утратить истинное ощущение себя, своего «я». В поиске утраченной гармонии она попадает в «чужое», но, как оказалось, до боли родное, свое пространство. Духовное прозрение, преобразование совершается путем преодоления забвения.

Воспитанная и образованная, она, словно покрытый белым чехлом чемодан, не может позволить себе быть самой собой. Такой представляется читателю Клара, которая, держа в руках чемодан, покрытый белым чехлом, дожидается родственника на станции. Рахмай сопровождает Клару в ее духовном становлении. Он с радостью сообщает, что они очень близкие родственники, Клара же винит себя в том, что ничего не знает о родных. Они приезжают в деревню ближе к вечеру; сообщается о том, что девушка из родственников хорошо помнит тетушку Хамдию: «Инде Клара хәтерендә онытылмыйча сакланганнардан иң якыны – Хәмдия эңгәчәсе» [5: 148] (Из всех, кого помнит Клара, ближе была тетушка Хамдия). Клара помнит ее добрую улыбку, приветливость, легкость в общении:

«Гажәп эңгәл сөякле, куштан һәм татлы телле булып күренде ул Кларага» [5: 150] (Кларе она показалась веселой, добродушной). Отметим, что Клару привлекает обычная теплая улыбка, простое человеческое участие.

Проснувшись, она знакомится с бытом, каждое мгновение ей приносит новое ощущение радости, покоя: «Клара, күзен ачкач, тагын ак чоланның шүрлегендә һәм чөйләрендә аңа исемнәре дә билгеле булмаган эйберләренә ... күрде. Бу әкәмәт нәрсәләр аны бик борынғы бер заманга кайтаргандай итте. Странно, но мило, – дип уйлап куйды ул эченнән генә» [5: 151] (Клара, проснувшись, на полках в белом чулане увидела предметы, названий которых даже не знала... Эти непонятные вещи будто вернули ее в былой старинный быт. Странно, но мило, – подумала она про себя).

Далее сообщается, что Кларе здесь рады все, но это ей непривычно, поэтому она чувствует лишь отчуждение. Автор обращает внимание на то, что Клара вначале не может однозначно воспринять такое отношение к ней родственников: «Нигә Иркә туташ? Әллә аның чын исемен яратмаганнармы?» [5: 151] (Почему они ко мне обратились не по имени? Им не нравится мое имя?). Но вскоре, прочувствовав всю красоту ласкового обращения, Клара осознает, что быт несколько не влияет на взаимоотношения людей: «Иркә туташ! Нинди матур, нинди ягымлы! Карагызчы, авыл кешесе дә шулай эйтә белер икән?!» [5: 151] (Иркә туташ! Как мило, приятно! Смотрите-ка, и в деревне так красиво разговаривают!). Девушка из города, она ощущает свое превосходство, когда простодушные, милые тетушки смотрят на нее и не могут скрыть своего восторга. Но стоило Кларе услышать историю о том, как они добывали хлеб во время войны, как спасали детей от голода и холода, говоря об этом, как об обычном явлении, в ней будто проснулось «другое «я»: «...үзе яшәгән эңгәл, гамьсез тормышның аларда юклығын, хезмәтнең нәрсә икәннен дә белмәстән, үзенең алар күрмәгән ганимәтләр белән файдалануын ... эчке бер уңайсызлану белән хис итмичә кала алмады» [5: 154] (Ей было не по себе от ощущения того, что в отличие от жизни этих людей, ее жизнь в комфорте, который достался ей без труда, это – легкое, бессмысленное существование). В деревне она видит, как люди добывают хлеб, радуются самому малому, подерживают друг друга всегда.

Символическое изображение новой жизни Клары связано с образом леса. Модальностью знания наделяются дед Клары и Аксакал, встретившийся Кларе на опушке леса, которые оха-

рактированы как субъекты мифологического дискурса: «*Бабай базык гәүдәле, түгәрәк йөзле, мыексыз, ап-ак сакаллы иде*» [5: 156] (Это был дедушка маленького роста с круглым лицом, белой бородой). Следует отметить, что «в архетипическом образе Мудрого Старца в татарской литературе контаминируются качества, восходящие к фольклорной традиции, и возникают новые характеристики, обусловленные авторским мировосприятием действительности» [7: 118]. Посредник между добром и злом, неожиданно возникнув на пути у Клары, он будто передает духовный опыт тому поколению, который, будучи образованным, интеллигентным, не может раскрыть свои возможности и почувствовать гармонию в душе: «*Моңарчы бер жирдә дә аленың мондагы кебек йомшак мөгамәлә, якты чырай күргәне, мондагы кебек шигъри тәмле итеп сөйләүне ишеткәне юк иде. Гаҗәп иде бу!*» [5: 159] (Никогда ранее она не ощущала такого милого, доброго отношения к себе, никогда не слышала такую выразительную речь. Это было удивительно!). Исцеляющей силой для Клары явились простая человеческая доброта и любовь. По мнению классика, доброта и милосердие – то единственное, что дает возможность ощущения полной гармонии в жизни: «*Тормышны бик мәкерле нәрсә дип әйтәләр бит!... Әмма шулай да кешеләргә изгелек хас булырга тиеш. Бик борыннан аларның йөрәкләренә салынган орлык булырга тиеш бу!*» [5: 158] (Говорят, что жизнь очень коварна! Но людям должно быть присуще милосердие. Доброта живет вечно, она не должна исчезнуть!). Таким образом, «старец здесь выполняет роль патрона инициаций, что отсылает к образу Великого Отца в мифологии, тем самым превращая в одну из модификаций архетипического образа Старого Мудреца, <...> он возводится в статус хранителя национальных обычаев, эмпирического опыта поколений и соответственно всей нации» [7: 111].

«Аллюзивная дискурсивность опирается на инспиративный ресурс солидарного по отношению к авторской интенции воспринимающего сознания» [1: 285]. На протяжении сюжета Клара перемещается в пространстве следующим образом: от станции на тарантасе в деревню Зиреклебаш, снова на тарантасе в родную землю Каракосх. По мнению литературоведов, художественное пространство деревни в рассказе «Туган туфрак» прочитывается в философском аспекте как дом для всего татарского народа [7: 111]. Приезд Клары в Зиреклебаш – это знакомство с родными, их мироощущением, а также неизбежное чувство вины перед теми, которые так внимательны к ее персоне. Эпизод приезда в дерев-

ню повторяется. С землей предков также ее будут знакомить милые, добродушные родственники, которые непредосудительны по отношению к ней. На следующий день, после утреннего чая, на том же тарантасе она отправится в Каракосх. Городская девушка, на которой дорогой плащ и голубая шляпа, садится в один тот же тарантас с тетушкой Хамдией, покрытой красивой шалью, обутой по такому случаю в новые галоши. Горы, которые сопровождают Клару в Каракосх, ей давно знакомы, всю дорогу она вспоминает рассказы деда и проговаривает про себя «туган туфрак» и поражается тому, как все эти горы, запахи цветов были забыты ее отцом. Но, к огромному удивлению Клары, та часть земли, где некогда был родной дом, о которой с такой гордостью говорил дед, заброшена. Хамдия с любовью и глубоким почтением рассказывает о родных, живших здесь. Следует отметить, что Клара в Каракосхе знакомится с родственницей – городской женщиной по имени Саня, которая вышла замуж и строит свое родовое гнездо в деревне. Здесь уместно отметить конфигурацию точек зрения, представленных в рассказе. Отметим, что «формируемая нарративным актом точка зрения неотожествима с авторским кругозором» [1: 308]. Саня переехала в заброшенную деревню, но сегодня она с мужем делает все, чтобы улучшить быт в селе, уверена, что жизнь в деревне станет ярче и интереснее. Развитие образов в тексте А.Еники происходит за счет дополнения одного значения другим, рассмотрения его с разных точек зрения, варьирования, углубления.

На пустом, заброшенном клочке земли, где некогда жил ее дед, рос отец, Клара осознает, что она проживает жизнь не так, у нее иные ценности. На родной земле «Клара ощущает в своей душе причастность к татарскому народу, испытывает процесс духовного очищения» [7: 110]. Модальность убеждения, которая соотносится с императивной картиной мира, «предполагает возможность единственно верного пути, ориентированного на истину в последней инстанции» [1: 273].

Одна из существенных закономерностей – обратная симметрия начала и конца текста. Если в начале рассказа Клара не могла чувствовать влияние родной земли, то в конце – она сливается с ней воедино. Мы не видим противопоставления деревни городу (не случайно введен эпизод, где Саня «подкорректировала» деревенский быт городским почерком). А.Еники подчеркивает то, насколько важно осознание простых человеческих ценностей для духовного становления каждого человека.

Аллюзивный символ горы, с одной стороны, «окончание процесса духовного возрождения и приобщения девушки к национальному миро-осознанию» [7: 111], с другой – возврат к утраченному «я», осознанию верного отношения к себе и окружающим, тем самым обретение истинного ощущения собственного счастья. Клара поднимается в гору, обретает связь с высшими силами, чувствует радость от ощущения силы любви. Поднявшись, Клара повторяет те же слова: «*Бар икән ул туган туфрак дигән кадерле жир*» [5: 174] (Вот оно ощущение родной земли, есть оно). Риторическая фигура автора в этом случае – фигура самоактуализации [1: 282], т.е. «взгляда на себя со стороны иных, высших возможностей мировой жизни» [1: 283]. На вершине горы, о которой так часто рассказывал дед, Клара испытывает настоящую радость от ощущения себя другой – любимой и любящей, возвращения к связи со всем живым, обретения новых внутренних возможностей: «*Һәм Клара үз гомерендә беренче тапкыр ... бик табигый рәвештә туган жиренә, туган халкына, телдән генә сөйләнә торган түгел, ә кан тамырында йөри торган чын-якынлык мэхәббәт хис итте. Һәм бөтен хисләрдән дә изгерәк, көчлерәк бу хис аның яшь йөрәген әйтеп бетергесез куанычлы бәхет белән тутырды*» [5: 174] (Впервые в жизни Клара пропустила через себя трепетное, невыразимое чувство любви к родной земле. Она была несказанно счастлива от ощущения силы любви). Повествование заканчивается тем, что Клара, сняв с головы шляпу, долго смотрит вдаль. Родная земля в произведении А.Еники помогает человеку

обрести себя, осознать свое место и предназначение.

Не лишая читателя возможности собственной интерпретации, поэтесса А.Еники формирует спектр инспиритивных прочтений. Благодаря актуализации и раскрытию авторских акцентов открываются возможности новых прочтений текстов А.Еники.

1. Тюпа В.И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 336 с.
2. Яхин А.Г. Эдәбият: Татар урта гомуми белем мәктәбенең 11нче сыйныфы өчен дәреслек-хрестоматия. – 2 нче басма. – Казан: Мәгариф, 2003. – 383 б.
3. Заһидуллина Д.Ф. XX гасырның икенче яртысы татар әдәбиятын өйрәнү мәсьәләсе // Әмирхан Еники һәм XX йөз татар әдәбияты. – Казан: РИЦ «Школа», 2009. – Б. 13 – 18.
4. Карамова А.З. Психологизм в творчестве Амирхана Еники: автореф. канд. фил. н. – Казань, 2005. – 20 с.
5. Еники Ә. Туган туфрак / Сайланма әсәрләр. 3 томда. – III том. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1991. – Б. 146 – 175.
6. Аминева В.Р. Типы диалогических отношений между национальными литературами (на материале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.). – Казань: Казан. гос. ун.-т, 2010. – 476 с.
7. Давлетишина Л.Х. Мифологизм в татарской прозе конца XX – начала XXI вв. – Казань: РИЦ «Школа», 2006. – 140 с.

DISCOURSE ANALYSIS OF THE STORY «TUGAN TUFRAK» («NATIVE LAND») BY A.ENIKI

G.R.Gainullina

The article aims at research reading of the story «Tugan tufrak» («Native land», 1959) by A.Eniki in the aspect of discourse analysis.

Key words: discourse, story, A.Eniki.

Гайнуллина Гульфия Расилевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской литературы и методики преподавания Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: gulfiasilevna@mail.ru

Поступила в редакцию 14.05.2013